

УДК 94(47)“15”-057.36:930(045)

*Н.В. Халявин***ОБРАЗ ОПРИЧНИКА (К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ)**

Данная статья посвящена образу опричника, который присутствует в исторических источниках и находит разную интерпретацию в исторической литературе. Приводятся основные характеристики опричного образа, присутствующие в российской историографии, прослеживается связь основных изменений, происходивших в трактовке образа опричника в зависимости от текущей политической ситуации. Статья отражает присутствующую в исторической литературе связь демонизации облика опричников (всадник в чёрных одеяниях на вороном коне, с притороченными к седлу метлой и отрубленной собачьей головой, несущий смерть и страдания всем, кого он встретит) с данными исторических источников. Дается краткая характеристика сочинений иностранцев (И. Таубе и Э. Крузе, А. Шлихтинга, Г. Штадена), оставивших свои впечатления об опричнине. Высказывается предположение о возможной связи того, как формируется образ опричника в этих сочинениях (особенно у А. Шлихтинга) с германо-скандинавским мифом о «Дикой охоте».

Ключевые слова: опричнина, образ опричника, И. Таубе и Э. Крузе, А. Шлихтинг, Г. Штаден, миф о «Дикой охоте».

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-131-137

При слове «опричник» в воображении обычно возникает зловещая фигура чёрного всадника, скачущего на вороном коне с притороченными к седлу метлой и отрубленной собачьей головой, несущего с собой казнь и страдания всем, кого он встретит.

Складыванию такого inferнального образа способствуют данные источников и основанные на них эмоционально окрашенные описания внешнего облика и поведения опричников, присутствующие в историографии. Начало этому было положено ещё Н. М. Карамзиным, который в IX томе своей знаменитой «Истории государства Российского» не жалел красок, описывая зверства Ивана IV и его сподручных: «Иногда тирань сластолюбивый, забывая голодь и жажду, вдруг отвергалъ яства и питье, оставлялъ пирь, громкимъ крикомъ созывалъ дружину, садился на коня и скакалъ плавать въ крови» [15, с. 166]. Но демонизации опричников не избежал, пожалуй, ни один сколь-либо серьёзный исследователь эпохи Ивана Грозного.

Конечно, любые исторические работы всегда строятся на определённой источниковой базе, но важно здесь не только то, как тот или иной конкретный историк использует данные доступных ему источников, но и то, как своим талантом исследователь расцветивает эти данные — предлагает трактовки, расставляет акценты, формирует образ.

К примеру, у Н. И. Костомарова, описание опричников передано довольно близко к источниковым данным: «Имъ даже вменялось въ долгъ, какъ говорить летописцы, насиловать, предавать смерти земскихъ людей и грабить ихъ дома. Современники иноземцы пишутъ, что символомъ опричниковъ было изображение собачьей головы и метла въ знакъ того, что они кусаются какъ собаки, оберегая царское здравие, и выметають всехъ лиходеевъ. Самыя наглыя выходки дозволяли они себе противъ земскихъ... Иванъ завель у себя въ Александровской слободе подобие монастыря, отобралъ 300 опричниковъ, наделъ на нихъ черныя рясы сверхъ вышитыхъ золотомъ кафтановъ, на головы тафьи или шапочки; самъ себя называлъ игуменомъ... Нередко, после обеда, царь Иванъ ездилъ пытать и мучить опальныхъ; въ нихъ у него никогда не было недостатка... Сама монашествующая братия его служила ему палачами и у каждаго подъ рясою былъ для этой цели длинный ножъ» [19, с. 379, 381]. Несмотря на близкий к материалам источников пересказ событий авторская оценочная позиция здесь всё же вполне очевидна из-за ремарки типа «наглые выходки», характеризующей поведение опричников, или замечания о том, что у Грозного никогда не было недостатка в опальных, которых он мучал, или сравнения монашествующей братии с палачами.

В. О. Ключевский в своём бичевании опричников был ещё более категоричен и откровенно нацелен на то, что нужный ему образ будет безошибочно считан современниками. Он называл их «специальным полицейским отрядом» [17, с. 169] и даже более того, писал, что «въ опричнине учреждалась высшая полиция по Деламаъ государственной измены; назначенный по уставу учреждения отрядъ въ тысячу человекъ становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы и охранителей

безопасности царя и царства, а сама царь брала в руки полицейскую диктатуру для борьбы с этой крамолой, становился верховными шефом этого корпуса. На такое назначение опричников указывали и символически украшения данного им мундира, метла и собачья голова» [16, с. 334]. Впрочем, стоит признать, что на слабые стороны такого подхода к трактовке опричнины указывал ещё С. Ф. Платонов: «Нам кажется, что сцены зверства и разврата, всех ужасавшие и вместе с тем занимавшие, были как бы грязною пеною, которая кипела на поверхности опричной жизни, закрывав будничную работу, происходившую в её глубинах» [25, с. 116].

С другой стороны, апологет самодержавно-монархического режима Д. И. Иловайский впадал в иную крайность, превращая опричников в удалцов-молодцов, опору государственного строя: «Они набирались из молодых людей, принадлежавших к сословию дворян и детей боярских, и должны были отличаться удалью, отчаянною готовностью на всё по царскому приказу. Они давали особую клятву на верную службу с обязанностию знать только одного государя, ради него забыть об отце и матери, доносить ему на изменников и не водить хлеба-соли с людьми земскими». Ничего наводящего ужас в облике опричника историк не видел, отмечая лишь, что «одевая их дорогими конями, одеждами, оружием, царь придумал для них ещё особое отличие: прикрепленные к сёдлам собачьи головы и метла, в знак того, что они грызут и метут царских недоброжелателей», хотя и признавал, что в этих нарядах они предавались «разным бесчинствам» [13, с. 275–276].

Кстати, такой образ находит вполне объяснимую взаимосвязь с советской историографией сталинского «прогрессивного опричного войска», поэтому в работе 1950 г. описание опричников приводится сухо и по-деловому: «Вводилась и особая форма для опричников: чёрные кафтаны из грубого сукна, подбитые мехом, а под ними богатая нижняя одежда, и чёрные же островерхие шапки; на шее лошади привязана была собачья голова, а у колчана со стрелами — нечто вроде кисти или метлы в знак того, что опричники обязаны грызть как собаки “государевых изменников” и выметать “измену” из Московского государства» [28, с. 24].

Но изменившиеся времена повлекли за собой перемены и в опричном образе. Уже в работах 1960-х гг. историографический маятник вновь качнулся от хранителей государства к «полку сатанинскому». С. Б. Веселовский, к примеру, писал, что «учредив опричнину, царь не только “пустил”, т. е. натравил, одну часть населения на другую, но и “заповедал”, т. е. приказал, опричникам насиловать, грабить и убивать» [3, с. 51], в схожем ключе характеризовал их и А. А. Зимин, говоря, что «в ходе новгородского погрома... опричное войско всё более и более перерождалось в разнузданную гвардию янычар, живших грабежом и убийствами мирного населения» [11, с. 430].

Через схему «мир–антимир» и смеховую культуру средневековой Руси объясняли природу опричнины и необычный внешний облик самих опричников Д. С. Лихачёв и А. М. Панченко: «Грозный как человек средневекового типа любил “театрализовать” свои действия, облекать их в церемониальные или, напротив, грубо нарушающие всякие церемонии формы... Опричнина, как это показывает даже и самое название её (“опричный” или “опришный” — особый, отдельный, сторонний, не принадлежащий к чему-то основному), — это и есть изнаночное, перевёртышное царство... Кромешный мир стал активным, пошёл в наступление на мир действительный и демонстрировал неупорядоченность его системы, отсутствие в нём смысла, справедливости и устроенности» [20, с. 61,62].

Перестроечные годы заострили внимание на репрессивном характере политики Грозного и добавили новые оттенки к отталкивающему образу опричника: «Это поистине религия силы, это земной ад... Если царь подобен Богу, то опричники подобны бесам. Они “тьмообразны”, как адское воинство, одеты с головы до ног в чёрное и ездят на вороных лошадях... Доктрина наказания, как она сложилась в политическом богословии Грозного, в сущности, чрезвычайно проста. Её можно выразить с помощью параллелизма: на том свете наказание определяет Бог, а осуществляют сатана и бесы. На этом свете опалу налагает царь, а карательной практикой занимаются опричники-кромешники» [7, с. 87,88]. Свои рассуждения Л. Н. Гумилёв заострил фразой: «...кромешники — это люди, одержимые ненавистью к миру, слуги метафизического абсолютного зла» [6, с. 214].

Таким образом, в зависимости от текущей конъюнктуры, от того, какой государствообразующий или государстворазрушающий смысл придавали историки опричной политике Ивана Грозного, менялась эмоциональная оценка самих опричников, их образа и действий: от опричных террористов [1; 29] до праведной силы, «исполняющей волю царя и Божью» [34, с. 399], от «ассасинов в монашеских одеяниях» [4, с. 179] до «ордена поклонников Сатаны» [21, с. 645] и, напротив, «охранного корпуса» самодержавия, церкви и православия [31, с. 946].

Все описания опричников схожи по внешним признакам, но зачастую противоположны по придаваемому самой опричнине смыслу, хотя базируются на одних и тех же источниках. Подробные обзоры источниковой базы содержатся в работах С. Б. Веселовского [3, с. 38–76], А. А. Зимина [11, с. 7–80], Р. Г. Скрынникова [29, с. 10–69] и других авторов. Из них следует, что особое значение для создания в исторических произведениях образа опричников, описания их внешнего вида и манеры поведения имеют сочинения И. Таубе и Э. Крузе, А. Шлихтинга, Г. Штадена.

К тому, кто они такие, стоит присмотреться повнимательнее. Первые двое — печатник рижского архиепископа Иоганн Таубе и мелкий дерптский чиновник Элерт Крузе были родом из Лифляндии. В 1560 г. во время Ливонской войны оба попали в плен к русским, в 1564 г. царь отпустил их на свободу и даже поручал им вести некоторые дипломатические дела. В декабре 1571 г. И. Таубе и Э. Крузе сбежали в Польшу, где вскоре написали своё послание гетману Яну Ходкевичу, яркими красками живописуя в нём ужасы московской опричнины [11, с. 77; 3, с. 66–71; 29, с. 58–59; 30, с. 174–175; 18, с. 29] и резюмируя своё послание тем, что «на основании всего вышеизложенного, разумные люди поймут, что с Божьей милостью и помощью можно завоевать Русское государство и нет причин бояться таких бедных, раздетых, бессильных людей, и как неверно всё, что распространяют про большую силу татар» [14].

Альберт Шлихтинг был померанцем, представителем местного дворянства, в плен он попал в 1564 г. в битве у Езеришенского замка (крепость Озерище). В России Шлихтинг стал слугой и переводчиком у царского медика Арнольда Лензея, а осенью 1570 г. ему удалось бежать в Литву, где в начале 1571 г. он написал свои «Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом, о жизни и тирании государя Ивана», а потом ещё и «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича». Разоблачительные сочинения Шлихтинга пришлось как нельзя кстати и позволили польской дипломатии расстроить намечавшийся антитурецкий союз между Москвой и папским престолом [11, с. 77–78; 3, с. 72–76; 30, с. 171; 18, с. 27–28; 32, с. 25–30].

Наконец, Генрих Штаден — вестфалец. Он сам прибыл в Россию в 1564 г., служил толмачом в Посольском приказе, потом оказался на опричной службе. За службу Штаден был наделён довольно крупным поместьем, владел корчмой в Москве, сумел обогатиться во время Новгородского похода Ивана Грозного. Из России уехал в 1576 г. и в 1577–1579 гг. написал для своего родственника — пфальц-графа Георга Ганса «Описание Московии» и план её захвата. Особая ценность его произведений в том, что Штаден описывал опричные порядки по собственным впечатлениям [11, с. 78; 3, с. 54–57; 29, с. 60].

Сочинения иностранцев многое дают для понимания того, как выглядели и как вели себя опричники. Именно в послании И. Таубе и Э. Крузе содержится самое известное описание их внешнего облика: «Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают всё лишнее из страны. Пехотинцы все должны ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем меху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху» [14]. Им вторит Г. Штаден: «Те, кто был из опричнины, должны были также носить черные одежды и шапки и привязывать к колчану со стрелами укрепленные на палке веник или метлу. По этому узнавали, кто из опричнины» [33, с. 95]. О чёрном монашеском одеянии говорит и А. Шлихтинг: «Живя в упомянутом Александровском дворце, словно в каком-нибудь застенке, он обычно надевает куколь, чёрное и мрачное монашеское одеяние, какое носят братья Базилиане, но оно все же отличается от монашеского куколя тем, что подбито козьими мехами. По примеру тирана также старейшины и все другие принуждены надевать куколи, становиться монахами и выступать в куколях, за исключением убийц из Опричнины, которые исполняют обязанность караульных стражей...» [22, с. 61].

Поиск символического смысла атрибутики опричников привёл к появлению в исторической литературе нескольких версий, объясняющих их экстравагантный наряд, помимо той, что предложили ещё И. Таубе и Э. Крузе («это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают всё лишнее из страны» [14]). Одним из тех, кто высказался по этому поводу, был И. И. Полосин, подготовивший в 1925 г. публикацию записок Г. Штадена. Он считал, что опричники составляли некий особый орден, по типу монахов-доминиканцев — «псов Господних», и обладали соответствующим одеянием и атрибутами [27, с. 154–155]. Иногда историки, вслед за А. Шлихтингом, видят в опричной организации некое подобие монастыря [29, с. 114, 311] или «стилизацию под традиционное монашество» [10].

Д. С. Лихачёв и А. М. Панченко, напротив, называют опричное сообщество «антимонастырём»: «Затаянная Грозным опричнина имела игровой, скомороший характер. Опричнина организовывалась как своего рода антимонастырь с монашескими одеждами опричников как антиодеждами, с пьянством как антипостом, со смеховым богослужением...» [20, с. 61], а опричная метла отсылает «к идеям наказания и очищения. “Выметание” — типичный и устойчивый жест юродивых» [23, с. 73]. А. Л. Юрганов, не отрицая традиционного прочтения опричной атрибутики, указывающей на «выгрызание» измены, придаёт опричнине эсхатологическое звучание, уточняя, что символический смысл собачьей головы «не сводим к наказанию вообще; суть в ином — Божье наказание осуществляется избранными людьми царя в “последнее время”» [34, с. 398]. Свою трактовку образа опричников предлагает А. А. Булычев, увидевший, после рассмотрения всех символических аксессуаров их снаряжения, «совсем иной прообраз государева слуги — светлого ангела-мучителя древнерусских апокрифов (и отчасти духовных стихов), обитающего в преисподней, единственной задачей которого было безжалостное физическое наказание грешников», и предлагающий «рассматривать собачью голову как мистический двойник страшного адского пса, а метлу — священного оберега и мощного магического оружия для борьбы с бесами и неправедными, преступными людьми». При этом автор признаёт, что «чёрный цвет одежды в сочетании с вороной мастью боевого коня “царёвых слуг” вполне могли восприниматься людьми Средневековья как явный намёк на силы, тесно связанные с inferнальным миром» [2, с. 78, 58].

Впрочем, анализируя имеющиеся в источниках описания опричников, важно обращать внимание не только на их внешнюю атрибутику, но и на то, как исторические источники передают информацию об опричнине, какими средствами формируют у читателя нужный им образ. Это часто приводит к новому пониманию привычного материала. Так, в своё время А. Л. Юрганов обратил внимание на переключку описания Опричного дворца у Генриха Штадена с библейскими текстами [35, с. 90–97], а И. Н. Данилевский, развивая эти идеи, пришёл к выводу, что детали Опричного дворца, описанные Штаденом, «получают вполне надёжное объяснение при обращении к текстам Книги пророка Иезекииля и 3-й Книге Ездры» [9, с. 35].

Продолжая поиск текстов, которые могут раскрыть смыслы, скрытые в давно известных источниках, можно предположить, что на записки иностранцев, содержащие сведения об опричнине, повлиял германо-скандинавский миф о «Дикой охоте». Мишель Пастуро пишет о нём следующее: «Предание об этой охоте, по-видимому, пришедшее из древнегерманской мифологии, известно почти во всей Европе с раннего Средневековья. У неё много названий: “Дикая охота”, “Охота Артура”, “Свита Элленкена”, “Охота короля Эрла”, “Воинство Вотана”. Участники охоты, одетые в чёрное или в зелёное, сопровождаемые сворой воющих псов, всю ночь гонят по полям неведомую добычу, которой им не достичь никогда. Их вид вызывает ужас; издаваемый ими адский вой и рёв невыносим для слуха; лучше не попадаться им на пути, иначе они увлекут вас за собой к неминуемой гибели» [24, с. 74].

Образ устрашающей кавалькады особенно ярко представлен у Альберта Шлихтинга в его описании Новгородского похода Ивана Грозного: «Отправляясь же из Александровского дворца в Новгород, он посылал вперёд шестьсот всадников и столько же оставлял на ходу сзади себя; равным образом он рассылал также людей вокруг, с правого и с левого боку, чтобы никто не прошёл в Новгород. Если упомянутые всадники натыкались на кого-либо, будь то даже раб или челядинец тирана, или также сам он на пути заставал кого-нибудь, то всех убивал, чтобы молва об его прибытии не опередила, и он мог тем легче застичь новгородцев, не ожидавших его и нисколько не думавших о нём. Также поступали те, кто занимал правое и левое крыло; поэтому даже и собака не могла быть предвестницей его приближения» [22, с. 62].

В литературе высказано предположение, что сам А. Шлихтинг не был участником новгородского погрома, «который он описал явно не как очевидец, а с чужих слов» [3, с. 75]. Но даже если это так, он явно старался передать своё впечатление от того, что он знал про новгородские события, и обрисовать саму атмосферу опричнины. Стремясь точнее транслировать другим свои ощущения, человек волей-неволей обращается к понятным для него образам, использует заложенные в его культуре архетипы и А. Шлихтинг здесь не был исключением. Ощущение ужаса, который наводили на людей грозненские опричные разъезды, им создаётся теми же средствами, которые представлены в народных преданиях о «Дикой охоте».

В немецкой народной мифологии всадники «Дикой охоты» тесно связаны с потусторонним миром и силами зла. Это «неистовое, мрачное, свирепое войско», в описании германского гуманиста А. Альтамера — «их оружие, копья, одежды и даже лица — всё адски чёрного цвета, что наводит небы-

валый ужас на врагов» [12, с. 101]. Вариации мифа о «Дикой охоте» чрезвычайно разнообразны, некоторые детали легенды описаны у специалиста по германскому фольклору и язычеству Стефана Гранди (известного под псевдонимом Квелдульф Гундарссон): «Дикая Охота всегда представляет собой угрозу для тех, кто попался ей на пути... Охотники были чёрными, большими и ужасными, они ехали на чёрных лошадях и чёрных оленях. Их собаки были чёрными, широкоглазыми и ужасными... Предводитель Охоты — почти неизменно обладатель высокого социального статуса или человек, который так или иначе злоупотребляет своими привилегиями, или придаёт охоте некоторый элемент богохульства» [8]. Свора собак, сопровождающая Охоту, придавала ей в народном сознании дополнительные демонические черты, «таких собак называют адскими псами (Devil's dandy dogs, hell-hounds)» [26, с. 377].

Предание о «Дикой охоте» было известно во всей Европе, его сюжеты «встречаются не только в Германии, Австрии и скандинавских странах, они присутствуют также в Бельгии и Нидерландах, а также в Италии и во Франции, прежде всего на севере страны и в Нормандии» [12, с. 108]. Кстати, вполне вероятно, что оно имело влияние и на русские источники, во всяком случае, кажется, что описание опричников во «Временнике» образованного и начитанного дьяка Ивана Тимофеева, этого влияния не избежало: «Яко волки ото овецъ, ненавиденыхъ имъ, отдели любезныя ему, знамения же на усвоенныя воины тмообразны наложи: вся отъ главы и до ногъ въ черное одеяние облекъ, сообразны же одеждамъ ихъ и коня имъ своя имети повеле; по всему воя своя вся яко бесподобны слуги сотвори. Иде же они на казнь осужены посылаеми суть, яко ночь темна видениемъ зряхуся и не удержанно быстро ристаху свирепеюще, ови державнаго повеления презирати не смеюще, ови же самохотию отъ немилосердия работающе, суетне богатящися, взоромъ бо единымъ, неже смерти прецениемъ страшаху люди» [5, с. 272–273].

В XVI–XVII вв. сказание о «Дикой охоте» или «Яростном войске» было широко распространено в немецких землях [12, с. 102], померанец Шлихтинг не мог его не знать, а «тмообразные» крошечники могли вызвать в его памяти соответствующие ассоциации, когда он писал свои разоблачительные записки о «тиране Васильевиче». Не случайно, С. Б. Веселовский заметил, что «общая характеристика образа действий и поведения опричников, которую даёт Шлихтинг, производит кошмарное и нелепое впечатление» [3, с. 77], именно на передачу ощущения кошмара и рассчитывал автор, тема Дикой охоты была тут как нельзя более кстати. Картина опричного ужаса получилась настолько образной, что легко считывалась не только современниками, но нашла своё отражение и в исторических работах, посвящённых эпохе Ивана Грозного.

Таким образом, обращение к легенде о «Дикой охоте» позволяет высказать предположение, что она оказала влияние на сочинения немцев-опричников (особенно, А. Шлихтинга). Они стремились сформировать определённый и очень яркий образ опричников у иностранных читателей, прибегая для более точной трансляции своих впечатлений от опричнины иностранному читателю, не знакомому с московскими реалиями, к понятным параллелям с устрашающими образами участников мифической «Дикой охоты».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988. 245 с.
2. *Булычев А. А.* Символика снаряжения опричного воина // Штаден Генрих. Записки о Московии: в 2 т. Т. 2: Статьи и комментарии. М.: Древлехранилище, 2009. 476 с.
3. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 540 с.
4. *Володихин Д. М.* Иван IV Грозный. М.: Вече, 2010. 320 с.
5. Временник дьяка Ивана Тимофеева // РИБ. Т. XIII. С. 261–472.
6. *Гумилёв Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1992. 336 с.
7. *Гумилёв Л. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л.: Сов. писатель, 1990. 128 с.
8. *Гундарссон К. Х.* Дикая Охота и Неистовое Полчище в фольклоре. 2021. URL: <https://svart-ulfr.livejournal.com/244504.html> (дата обращения: 21.05.2021)
9. *Данилевский И. Н.* Семантика опричного дворца и смысл опричнины: к вопросу о системе доказательств в исторической реконструкции // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2017. № 48. С. 29–37.
10. *Дворкин А. Л.* Иван Грозный как религиозный тип // Азбука веры. 2021. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/ivan-groznyj-kak-religioznyj-tip/ (дата обращения: 21.05.2021)
11. *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. 535 с.
12. *Зубарева Е. Ю.* «Неистовое войско» («Das wütende Heer») или «Дикая охота» («Die wilde Jagd») в структуре традиционных мифологических представлений германских народов // Stephanos. 2016. № 3 (17). С. 99–118.

13. *Иловайский Д. И.* Царская Русь (Московско-царский период. Первая половина или XVI век). М.: Олимп, АСТ, 2002. 748 с.
14. *Иоганн Таубе и Элерт Крузе* // Библиотека древних рукописей. 2021. URL: <https://drevlit.ru/texts/t/taube.php> (дата обращения: 21.05.2021)
15. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IX. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. 764 с.
16. *Ключевский В. О.* Боярская Дума древней Руси. М.: Синодальная типография, 1902. 555 с.
17. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2. М.: Мысль, 1987. 447 с.
18. *Колобков В. А.* Воспоминания очевидцев об опричнине Ивана Грозного в коллекции «Россика» // Коллекция «Россика» в Российской национальной библиотеке, вопросы раскрытия. Научные чтения, посвященные 150-летию создания отделения «Россика». СПб., 2002. С. 26–37.
19. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Кн. 1: Господство Дома Св. Владимира. X – XV столетия. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. 596 с.
20. *Лихачёв Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 205 с.
21. *Никитин А. Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М.: АГРАФ, 2001. 768 с.
22. Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 98 с.
23. *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Пётр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. Т. 37. 1983. С. 54–78.
24. *Пастуро М.* Зелёный. История цвета / пер. с франц. Н. Кулиш. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 168 с.
25. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 2-е изд. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. 519 с.
26. *Плахова О. А.* Отражение народных представлений о Дикой Охоте в сказочной картине мира // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 3 (25). С. 376–380.
27. *Полосин И. И.* Что такое опричнина? // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: сб. ст. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 384 с.
28. *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 594 с.
29. *Скрынников Р. Г.* Царство Террора. СПб.: Наука, 1992. 574 с.
30. *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М.: Мол. гвардия, 1999. 403 с.
31. *Фроянов И. Я.* Драма русской истории: На путях к Опричнине. М.: Парад, 2007. 952 с.
32. *Хорошкевич А. Л.* Штаден и его современники – авторы записок о «Московии» // Генрих Штаден. Записки о Московии. Т.1: Публикация. М.: Древлехранилище, 2008. 584 с.
33. *Штаден Генрих.* Записки о Московии: в 2 т. Т. 1: Публикация. М.: Древлехранилище, 2008. 582 с.
34. *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
35. *Юрганов А. Л.* Опричнина и Страшный суд // Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии: трудный путь к очевидности. М., 2003. 381 с.

Поступила в редакцию 15.11.2021

Халявин Николай Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
 ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
 E-mail: nivakha@gmail.com

N.V. Khalyavin

THE IMAGE OF THE OPRICHNIK (ON THE ISSUE OF POSSIBLE PARALLELS)

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-131-137

This article is devoted to the image of the oprichnik, which is present in historical sources and finds a diverse interpretation in historical literature. The main characteristics of the oprichny image present in Russian historiography are considered. It is possible to trace the connection of changes in interpretation of the oprichnik image depending on the current political situation. The article reflects the connection of demonization of the appearance of oprichnik with the data of historical sources. Oprichniks often look like riders in black robes on crow horses, with a broom and a severed dog head at their saddles, causing death and suffering to everyone they meet. A brief description of the works of foreigners (I. Taube and E. Kruse, A. Schlichting, G. Staden) who left their impressions of oprichnina is given. It is suggested that there is a possible connection between how the image of the oprichnik is formed in these works (especially in A. Schlichting writing) with the German-Scandinavian myth of the “Wild Hunt”.

Keywords: oprichnina, image of oprichnik, I. Taube and E. Kruse, A. Schlichting, G. Staden, myth of the “Wild Hunt”.

REFERENCES

1. *Al'shich D. N.* Nachalo samoderzhavija v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo. L.: Nauka, 1988. 245 s.
2. *Bulychev A. A.* Simvolika snarjazhenija oprichnogo voina // Shtaden Genrih. Zapiski o Moskovii v 2-h tomah. T. 2. Stat'i i kommentarii. M.: Drevlehranilishhe, 2009. 476 s.
3. *Veselovskij S. B.* Issledovanija po istorii oprichniny. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. 540 s.
4. *Volodihin D. M.* Ivan IV Groznyj. M.: Veche, 2010. 320 s.
5. Vremennik d'jaka Ivana Timofeeva // RIB. T. XIII. S. 261–472.
6. *Gumil'ov L. N.* Ot Rusi k Rossii: ocherki jetnicheskoj istorii. M.: Jekopros, 1992. 336 s.
7. *Gumil'ov L. N., Panchenko A. M.* Chtoby svecha ne pogasla: Dialog. L.: Sov. pisatel', 1990. 128 s.
8. *Gundarsson K. H.* Dikaja Ohota i Neistovoe Polchishhe v fol'klore. 2021. URL: <https://svartulfr.livejournal.com/244504.html> (data obrashhenija: 21.05.2021)
9. *Danilevskij I. N.* Semantika oprichnogo dvorca i smysl oprichniny: k voprosu o sisteme dokazatel'stv v istoricheskoj rekonstrukcii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2017. № 48. S. 29–37.
10. *Dvorkin A. L.* Ivan Groznyj kak religioznyj tip // Azbuka very. 2021. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/ivan-groznyj-kak-religioznyj-tip/ (data obrashhenija: 21.05.2021)
11. *Zimin A. A.* Oprichnina Ivana Groznogo. M.: Mysl', 1964. 535 s.
12. *Zubareva E. Ju.* "Neistovoe vojsko" ("Das wütende Heer") ili "Dikaja ohota" ("Die wilde Jagd") v strukture tradicionnyh mifologicheskikh predstavlenij germanskih narodov // Stephanos. 2016. № 3 (17). S. 99–118.
13. *Ilovajskij D. I.* Carskaja Rus' (Moskovsko-carskij period. Pervaja polovina ili XVI vek). M.: Olimp, AST, 2002. 748 s.
14. *Jogann Taube* i Jelert Kruze // Biblioteka drevnih rukopisej. 2021. URL: <https://drevlit.ru/texts/t/taube.php> (data obrashhenija: 21.05.2021)
15. *Karamzin N. M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo. T. IX. SPb.: tipografija N. Grecha, 1821. 764 s.
16. *Kljuchevskij V. O.* Bojarskaja Duma drevnej Rusi. M.: Sinodal'naja tipografija, 1902. 555 s.
17. *Kljuchevskij V. O.* Sochinenija. V devjati tomah. T. 2. Kurs russkoj istorii. Ch. 2. M.: Mysl', 1987. 447 s.
18. *Kolobkov V. A.* Vospominanija ochevidcev ob oprichnine Ivana Groznogo v kollekcii «Rossika» // Kollekcija «Rossika» v Rossijskoj nacional'noj biblioteke, voprosy raskrytija. Nauchnye chtenija, posvjashhennye 150-letiju sozdanija otdelenija "Rossika". SPb., 2002. S. 26–37.
19. *Kostomarov N. I.* Russkaja istorija v zhizneopisanijah ejo glavnejshih dejatelej. Kn. 1. Gospodstvo Doma Sv. Vladimira. X – XV-oe stoletija. SPb.: Tipografija M. M. Stasjulevicha, 1912. 596 s.
20. *Lihach'ov D. S., Panchenko A. M.* «Smehovoj mir» Drevnej Rusi. L.: Nauka. 1976. 205 s.
21. *Nikitin A. L.* Osnovanija russkoj istorii: Mifologemy i fakty. M.: «AGRAF», 2001. 768 s.
22. Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo. «Skazanie» Al'berta Shlihtinga. L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1935. 98 s.
23. *Panchenko A. M., Uspenskij B. A.* Ivan Groznyj i Pjotr Velikij: koncepcii pervogo monarha // TODRL. T. 37. 1983. S. 54–78.
24. *Pasturo M.* Zeljonyj. Istorija cveta / per. s franc. N. Kulish. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 168 s.
25. *Platonov S. F.* Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI – XVII vv. Opyt izuchenija obshhestvennogo stroja i soslovnyh otnoshenij v Smutnoe vremja. Izd. 2-e. SPb.: tipografija I. N. Skorohodova, 1901. 519 s.
26. *Plahova O. A.* Otrazhenie narodnyh predstavlenij o Dikoj Ohote v skazochnoj kartine mira // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 3 (25). S. 376–380.
27. *Polosin I. I.* Chto takoe oprichnina? // Polosin I. I. Social'no-politicheskaja istorija Rossii XVI – nachala XVII v. Sb. statej. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. 384 s.
28. *Sadikov P. A.* Ocherki po istorii oprichniny. L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 594 s.
29. *Skrynnikov R. G.* Tsarstvo Terrora. SPb.: Nauka, 1992. 574 s.
30. *Florja B. N.* Ivan Groznyj. M.: Mol. gvardija, 1999. 403 s.
31. *Frojanov I. Ja.* Drama russkoj istorii: Na putjah k Oprichnine. M.: Parad, 2007. 952 s.
32. *Horoshkevich A. L.* Shtaden i ego sovremenniki – avtory zapisok o «Moskovii» // Genrih Shtaden. Zapiski o Moskovii. T. 1. Publikacija. M.: Drevlehranilishhe, 2008. 584 s.
33. *Shtaden* Genrih. Zapiski o Moskovii: v 2-h tomah. T. 1. Publikacija. M.: Drevlehranilishhe, 2008. 582 s.
34. *Jurganov A. L.* Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury. M.: MIROS, 1998. 448 s.
35. *Jurganov A. L.* Oprichnina i Strashnyj sud // Karavashkin A. V., Jurganov A. L. Opyt istoricheskoj fenomenologii: trudnyj put' k ochevidnosti. M., 2003. 381 s.

Received 15.11.2021

Khalyavin N.V., Candidate of History, Associate Professor at Department of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: nivakha@gmail.com